

ТИГР ГОВОРИТ «Р-Р-Р»

—
ЯНА МОСКАЛЕННО
Писательница и журналистка.
Родилась в 1997 году в Благо-
вещенске. Окончила МГИМО
и магистратуру НИУ ВШЭ
«Литературное мастерство»,
главный редактор портала
о СW «Многобунв».

Антрекот из баранины и овощи гриль. Она так легко это сказала. Зубы разомкнуты. Широкий кончик языка поднят вверх к альвеолам. Голосовые связки вибрируют, и мощная струя воздуха попадает на напряженный кончик языка и колеблет его. Трижды. Она говорила, и бараний жир тек по подбородку, она месила привкус зажаристой корочки на языке. От нее несло мясной душнятиной.

– ...И кокосовую панна-котту. Наверное, все. Ты еще что-то будешь? – Парень напротив покачал головой. – Да и так многовато. Девушка, вы слышали?

– Конечно, у вас... – Кира оторвалась от самых обычных губ в глянцево блеске и уткнулась в блокнот. – Антрекот из баранины и овощи гриль. – Кира открыла рот и запнулась. – И кокосовая панна-котта. Я поняла.

Кира понеслась через весь зал к кассе – через чужие разговоры, грохот приборов, «давайте выпьем» и «можно счет». У нее снова помокрели подмышки, и – она точно знала – весь нос и верхняя губа в бусинках пота. Если высунуть язык, можно лизнуть соль. Кира зло воткнула палец в кипер. Седьмой стол. Белое вино по бокалам, салат с тунцом, кокосовая панна-котта и долбаный антрекот из баранины и овощи гриль.

– Кир, ты опять? – Миша заслонил собой желтушную лампу, и Кире пришлось прищуриться.

Миша тоже шурился, но по-другому – недовольно, по-начальнически. Он сложил руки на груди и взялся за ребра, Кира даже секунду ему посочувствовала, Миша и правда старался держать себя в руках.

– Не видишь, завал.

– Сколько раз я просил тебя повторять заказ для гостей?

– Я не косячу.

– Это не моя прихоть, мы так работаем.

– Я не косячу! – Кира вся всколыхнулась, и Миша увидел – точно увидел – потные круги на зеленой рубашке, дурацкий пучок с торчащими кудряшками и взгляд. Затравленный, бегающий. Кира по сто раз на дню вот так разваливалась, потому что все повторяли одно и то же, не могли не повторять. Очень редко удавалось без этого, и таких гостей Кира любила особенно нежно, даже без чаевых. Но она давно привыкла и не косячила.

– Я знаю, но так комфортней – и тебе, и гостям.

– Мне – нет.

– Кир.

– Миш, отвали, а. Вот если забуду, тогда и высказывай.

Он злился до конца смены. Злился, когда они всей кучей на диване считали деньги и Кира недовольно цокала вместе с другими офиками. Злился, когда они ехали домой. В машине Миши пахло хвой-

ной вонючкой для салона, из-за этого Киру постоянно укачивало, и она пялилась в окно, лишь бы не блевануть на лобовое. Ей нравилось, что, когда они съехались, с работы стали уезжать вместе. Кира не переносила Китай-город, особенно ночью, обхарканный, обоссанный, обтопанный со всех сторон фриками, просто пьющими-гуляющими. Чем дальше они отъезжали от работы, тем легче молчалось. Уже в Перово Миша снова держал Киру за коленку.

Когда она устроилась в их ресторан, который между собой они ласково называли «столовка», Миша еще работал за баром. В первый раз Миша отдавал Кире напитки и, глянув на ее бейджик, сказал:

– Держи, Кируха.

Кира хрюкнула, расхохоталась. Между ними все было просто, так же просто, как и его имя. М-и-ш-а. М-и-х-а-и-л. Имя запросто скатывалось с языка. Иногда Кира думала, что иначе бы у них и не вышло. Не могло же быть просто с Сергеем, Борисом, Гришей, Андреем. Она засматривалась на его руки в набитых рукавах – от запястий до плеч расплзались морские звезды, кракены, водоросли, и все залито синими чернилами. Миша занимался коктейлями, а Кира ждала, что еще чуть-чуть – и на его руках качнутся волны. Они вместе ходили до метро после смен, Миша присылал ей мемы в инсте, Кира отвечала по настроению, пару раз у них совпадали выходные, и они гуляли в пг, занимались сексом на его старой квартире, короче, все просто. Потом Мишу повысили, и Кира собиралась уйти из ресторана, но в итоге осталась, и Миша расплся на ее Мишу и Мишу на работе, с особенным сдержанно-строгим тоном. Синие рукава спрятались под рубашкой, и больше моря Кира не видела.

В их новом доме – уже не его и ее, их, – всегда было немного кавардачно, потому что они оба много работали, дома только ночевали. Если не было смен, Миша все равно ездил по делам, а Кира валялась дома, заказывала еду из «Яндекс-лавки», максимум загружала стирку. Их холодильник пах почти сгнившими огурцами и сыром, в углу копились пластиковые контейнеры, которые Кира зачем-то упорно собирала – доставшееся от мамы «ну, вдруг пригодится», под столом составляли брошенные на банкетах бутылки с дорогим алкоголем, уже полгода собирались отодрать уродские обои в комнате. Жизнь бурлила только на работе, дома скорее вяло журчала, но Киру это устраивало. Миша вышел из душа, Кира сидела на кухне, ковыряя вчерашний сырник, другой рукой на бумажке раскидывала столбики цифр, считала деньги.

– Я отменила Елену на пятницу.

– Пятница. Это завтра?

– Ага, – кивнула Кира, размазывая сырник по тарелке.

Миша вздохнул.

– Ты не обязана ехать туда сама. У тебя один выходной между сменами.

– Мы до фига ей платим. – Сырник уже превратился в грустное пятно, и Кира просто скрежетала вилкой.

– Один раз ничего не изменит.

– На маникюр схожу. – Кира бросила изувеченный сырник и показала Мише обкусанные ногти.

– Кир...

– Чего? Слушай, я маме обещала. Ходить туда... Если что.

– Это работа Елены, не твоя. Ты только испсихуешься. Твоя мама тоже тебе постоянно что-то обещала, а толку.

Миша почти успел замолчать, как-то неловко сглотнул конец фразы, но Кира все равно услышала. На улице заорала машина, ей в тон залаяла собака. У них был тихий район, пока кто-то один не начинал шуметь, тогда уже всех не успокоить. Сегодня Миша был первый. Обычно он старался обходить Кирины углы, хоть она и была дурацким многогранником. Он скорее напоминал куб – почти шар, но с изюминкой, и Кира тоже терпела – спрятанные морские рукава, тон начальника, бесконечные одергивания, попытки ее «подлатать», но маму – нет, не могла и не терпела. Машина уже заткнулась, собака еще нет, а в груди у Киры что-то засохло вместе с куском сыра в холодильнике. Она ушла в комнату, Миша и сырник остались у заплыванного крошками деревянного стола. В комнате у стены свалены книги – замученные учебники по биологии и глянцевые энциклопедии, которые Кира мертвым грузом таскала за собой из квартиры в квартиру. Так она напоминала себе, что не стала ни ученым, ни ветеринарным врачом. Мама уговаривала ее попробовать, подать документы, Кире до сих пор слышалось мамино несмелое бормотание, когда она открывала коробки с ее вещами. Тогда Кире становилось жаль, что несколько лет назад она не закопала эту коробку, книги и все оставшиеся воспоминания в землю – с мамой. Наконец, перестала и псина, и Кира выдохнула, а раньше она заснуть не могла без собачьего лая под окнами.

Раньше Кира настойчиво таскала домой искаленную живность. Брошенных, еще слепых котят, подбитую на одну лапу дворнягу, воробьев и голубей, иногда уже дохлых. Мама не менее настойчиво распределяла живность между приютом и помойкой.

После смерти мамы ключи от квартиры потяжелели, оттягивали Кире карман всякий раз, когда она сюда приходила. Перед дверью Кира помедлила. Когда она открывала коробку с маминими вещами дома, она знала, что ее в любой момент можно закрыть и задвинуть подальше, придавив огромным медведем, которого Миша притащил ей на годовщину, и плюшевый теперь неплохо собирал пыль. С квартирой так не выходило. Если дверь откроется, ее не захлопнешь, никогда не получалось.

Потом она сдалась, и они вместе с Кирой кое-как смастерили небольшую будку, которую поставили недалеко от подъездной двери, у лестницы в подвал. Соседи первое время ворчали, но будку никто не трогал. Кира напихала в будку старых свитеров и каждый день обновляла постояльцам воду и миску с кормом. Одно время жила целая кошачья семья – серая Доля забила будку рыже-пегим приплодом. Еще была черная Манька, которая облаивала исключительно нежилцов. Хромой вислоухий Тема, будто бы сиамские близняшки Вета и Киса. Кто-то из постояльцев будки умер, кто-то просто исчез или нашел дом в этих же пятиэтажках, но всех в будке Кира очень старалась залюбить. Может, поэтому будку за столько лет никто не сломал. От большой любви. Сейчас от будки остался только просевший

на один бок корпус, кто-то кое-как приладил кусок фанеры вместо крыши, но тот сполз одним краем на землю. Тельце будки прогнило, от нее несло мочой, кажется, не звериной.

Чужой стала не только будка. Срубили тополь, который летом поглаживал, а осенью корябал окно в ее комнату, они с мамой жили на втором этаже. Перекрасили зеленые резиновые колеса в желтый. Кира несколько раз на всякий случай проверила – третий подъезд. Маленькая коричневая табличка с номером осталась та же, и стало немного теплее. После смерти мамы ключи от квартиры потяжелели, оттягивали Кире карман всякий раз, когда она сюда приходила. Перед дверью Кира помедлила. Когда она открывала коробку с маминими вещами дома, она знала, что ее в любой момент можно закрыть и задвинуть подальше, придавив огромным медведем, которого Миша притащил ей на годовщину, и плюшевый теперь неплохо собирал пыль. С квартирой так не выходило. Если дверь откроется, ее не захлопнешь, никогда не получалось.

Пока они жили вдвоем, было проще.

– Мам, в школе такой тухляк. Малья Ивановна сказала, что лягушек мы лезать не будем. Никогда. Я бы и не хотела, но как по-длугому я лазбелусь? Тупость.

Мама приходила с работы, и они долго пили чай. Чай с шиповником, потому что другого мама не пила. Они жаловались по очереди. Кира – на одноклассников и контрольные, мама мусолила коллег, и Кира делала вид, что понимает, почему Наташка из бухгалтерии – стерва сучья. Они редко ссорились, но Кира на всякий случай громко хлопала дверью и подолгу сидела на зеленых колесах у подъезда. Темнело, мама открывала окно на кухне, и пахло дешевыми кексами из микроволновки – пора идти мириться. Мама никогда не говорила «прости» или «прощаю», поэтому заварными кексами были забиты целых два шкафчика. Потом к ним на чай начал приходить Петр Аристархович. Сначала он приходил пару раз в неделю, и Кира в такие дни упрямо отсиживалась в комнате. Но Петр Аристархович бывал у них все чаще, пока однажды не заявился с большим чемоданом и остался навсегда.

Петр Аристархович – огромный, с беременным пузом и гладкой лысиной. У него были маленькие глазки, причмокивающая улыбка. Кира изо всех сил делала вид, что ее не тошнит от мужицкого запаха, но мама так радовалась его причмокиваниям, поэтому Кира не переставала стараться. Петр Аристархович работал в школе учителем истории, он приносил домой кучу тетрадей и атласов, а еще

свои талмуды из библиотеки, в зале, где он с мамой спал на раскладном диване, на комодке вместо Кириной фотографии с обезьянкой из зоопарка присобачил портрет Александра III.

– Альбин, котлетки твои все краше. – Петр Аристархович сидел, промакивая губы полотенцем, и ел уже четвертую котлету. Кира считала.

Мама нашла работу по сменам, чтобы больше времени проводить дома, и котлеты действительно стали вкуснее, но Кире не лезли.

– Ма, можно я плосто калтошку доем.

– Кушай, Кирочка, что нравится.

– Никуда не годится! – Петр Аристархович бухнул стаканом с морсом по столу. – Мать готовила, старалась, а ты нос воротишь.

– Петр Аристархович, ну ладно вам. – Мама в один момент скукожилась, ей не нравилось, когда Петр Аристархович злился, но злился он часто, и мама почти не раскукоживалась.

– Я калтошку-то ем, – буркнула Кира, не высовывая носа из тарелки.

– И сколько можно! Девица уже вымахала, экзамены через пару лет, а все шепелявит.

– Я калтавлю.

– Тем более! Альбина тобой не занялась, так я займусь, займусь основательно. Позор такой и на историческом факультете.

– На ветеринара она хочет, Петр Аристархович.

– Еще чего! Хвосты коровам крутить и в кишках ковыряться? Ну, дела.

– Это не вам лешать.

Кира все-таки посмотрела на него, и они злобно пялились друг на друга пару минут. Петр Аристархович приподнялся и подался вперед, стол жалобно скрипнул под его тушей.

– Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла. Повтори!

– Петр Аристархович...

– Цыц! Повторяй, говорю.

Кира молчала.

– Не слышу! Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.

– В жопу идите.

– Кира! – взвизгнула мама, но Кира выпрыгнула из-за стола и помчалась сразу на улицу, в тапках, мимо зеленых резиновых колес, подальше. Из открытого окна несло не кексами.

– Возьмусь за хамку, возьмусь! Альбина, не реви!

Входная дверь не поддавалась с первого раза. В детстве Кире приходилось врезаться в нее почти с разбегу. Кира выросла, и достаточно было слегка навалиться на дверь плечом, и ключ в замке начинал

неповоротливо кряхтеть. Вот и сейчас: раз – про-вернулся – два – дверь приоткрылась. Возьми и войди. Кира не хотела. Открывать дверь, делать шаг-другой, живьем пробираться через прошлое. Вошла.

При маме в квартире пахло шиповником, тем самым, с которым она пила чай. Мама заливала сухие ягоды кипятком и давала им настояться, потом эту воду размешивала с заваркой и, наверное, медом, потому что чай всегда был чересчур сладкий. При маме в квартире было не то чтобы чисто, но и не кавардачно. Она повсюду расставляла светильники самых дурацких форм и мечтала о коврах, но выцветший паласик лежал только в Кириной спальне под кроватью. Светильника-обезьяны – раньше он стоял у вешалки – не было. Шиповник остался. Обрывки запаха будто пропитали обои и линолеум, а может, Кире просто казалось, она, приходя сюда, старалась ступать по маминым следам. Со временем она поняла, что помнит маму по-разному. То совсем молодую, с жирной черной косой, прямую, хохотливую. То уже скукоженную, безнадежно седеющую. Мамино лицо в Кириной голове расплывалось, иногда оно походило на совсем других женщин. Но вещи, слова, мамины запахи и привычки – все это оставалось на месте. Петр Аристархович тоже.

Кира увидела его через дверь в зал. Когда-то давно это была дверь с большим стеклянным прямоугольником посередине. Петр Аристархович запустил в нее – в дверь, мама отказывалась верить, что в Киру, – соловьевской «Историей России с древнейших времен», и с тех пор зал просвечивал через большую дырень. Кира залезала в получившийся проем и раскачивалась туда-сюда, конечно, только пока Петр Аристархович был в школе. Теперь он уже давно на одном и том же месте. Петр Аристархович сидел в раскладном кресле у кофейного столика. Он расплылся в подушках и одеялах, сросся с ними. На подлокотнике в потрепанной обложке лежал тот самый Соловьев, и Петр Аристархович держался за него, как за Библию, как за то единственное, что он вообще любил по-настоящему – за чужих, мертвых, зато великих людей. Справа, на столике, куча, нет, гора таблеток, салфетки, баночки. Педантичная Елена всегда раскладывала их аккуратными стопочками и рядочками, а сейчас они все были перемешаны и свалены в кучу, что-то упало на пол. Телевизор работал, но Петр Аристархович не смотрел в ту сторону, телеканал «Звезда» беседовал сам с собой. Петр Аристархович глядел в дверную дыру, прямо на Киру или сквозь нее.

– У Елены сегодня выходной. – Кира не открыла дверь, не вошла, так и стояла перед дырой. Так

- ей казалось, что между ними если не пропасть, то хотя бы небольшая стена. – Это я... папа.
- Кирочка, я тебя очень прошу, попробай еще. – Кира сидела с мамой на краешке паласика, мама подпирала спиной кровать и прижимала Киру к себе. У мамы немного дрожал голос, но она плакала тихо, Кира же подвывала громко и жалобно.
  - Мамочка, ну ма-а-а-а, не могу я. – Улица за окном оживилась детскими голосами. Уроки у второй смены закончились, погода стояла теплая, и дети тянулись домой медленно. Но Кира знала, что у них осталось минут сорок, не больше.
  - Давай, получится, я знаю же. Петр Аристархович. – Мама говорила все медленней, будто это могло хоть как-то помочь.
  - Петр-л-р-л. Ар-л-р-листар-л-р-лхович. – Кира выдавливала из себя каждую букву, но без конца спотыкалась целых три раза.

После каждой неудачной попытки она завывала, мама потрясывалась. Кира уже тайком курила за школой, прогуливала уроки, смеялась над учителями, которые не понимали, почему Кирина блестящая успеваемость съехала ниже некуда, но дома ревела как маленькая. Петр Аристархович требовал, чтобы к нему обращались по имени отчеству и только, но надувался, причмокивал, шевелил усами, как морж, когда Кира открывала свой картавый рот.

- Надо что-то придумать. Кирочка, как-то же надо, ну. – Мама тоже поглядывала на часы в форме солнышка и суежилась больше. – А давай... а давай ты будешь называть его папа?
- Кира поперхнулась завываниями.
- Ну нет! – Они обе удивились, как зло, как яростно Кира вдруг рявкнула.
  - Кирочка... – Мамины слезы катились по ее щекам большими прозрачными каплями, развозили под глазами темные круги подводки. – Он же так злится, так переживает. Давай его порадуем? Он ведь только самого лучшего желает, любит тебя. И ты его... порадуешь?

У Киры никогда не было папы, и он ей был не нужен. Когда Кира спрашивала, почему у них нет папы, мама отвечала что-то вроде: вот у одних есть мама и папа, а у других кто-то один. В этом нет ничего плохого, просто так получилось. Вот и в жизни Киры папа просто не получился, и даже слово казалось лишним в их днях с заварными кексами. Кира от злости выть перестала, а мама плакала жалобно, и Кире стало стыдно, что у нее нет папы и что она его совсем не хотела.

В квартире раздалась кряхтенье и вздохи.

- Ух. Ох. Агам. Кхм. Ну дела! Ох.

Мама принялась быстро-быстро растирать щеки, промокать глаза кончиком Кирино одеяла. Кире хотелось забраться под кровать, забаррикадироваться подушками, чтобы он забыл о ее существовании. Петр Аристархович заслонил собой дверной проем.

- Кукуете? Бездельницы. – Он прихрюкнул, будто удачно пошутил.
- Что ты, Петр Аристархович, вот мы тут... Дела девчачьи обсуждаем.
- Ерундой маетесь. – Хрюканье усилилось, Петр Аристархович почти смеялся.

Кира еще раз посмотрела на маму. Рядом с Петром Аристарховичем мама странно добрела и размокала и сама начинала походить на моржуху, очаровательную в своем тупом обожании.

- Домашку вот делаем... – Кишки скрутило, они приподнялись до горла, ни вдохнуть, ни выдохнуть. – Папа.

Петр Аристархович захлопал глазами и захрюкал уже довольно – смеялся.

Передергивало только первое время. Кира очень быстро поняла, что это просто дурацкое слово, и для нее оно ничего не значило. Это слово, которое тем не менее спасало ее от лишней нервозности. Петр Аристархович сначала тоже немного терялся, потом только кивал и хмурился.

Он молча водил за Кирой глазами, пока она ходила по залу. На комодке рядом с портретом Александра III – страшно выцветшего – мамина помятая фотография без рамки. Она позирует в большой шляпе на берегу речки. Кира добралась до окна и рванула на себя раму. Она, кажется, не дышала все это время, ее тошнило от воздуха, пропитанного старостью и болезнью. Кира подтянулась на подоконнике и высунулась из окна, ей хотелось завернуться в шелест деревьев, теплый ветер и весь этот шум, который заставлял улицу двигаться и жить. В квартире все умерло в тот день, когда мама попала в аварию. В автобус въехала грузовая «газель». Автобус перевернулся и протащился по асфальту пару метров, и мама приехала в больницу уже мертвая. Петр Аристархович не пил чай с шиповником, не покупал заварных кексов, он просто зарастал пылью вместе со своими талмудами. Кира была на работе, когда он ей позвонил. На тот момент она уже пару лет как снимала комнату в Беляево. Кира не взяла трубку целых пять раз, перезвонила, только когда вышла перекурить.

- Когда ты научишься быть ответственной.

Прежде чем сообщить о смерти мамы, Петр Аристархович по привычке ее отчитал. Кира поняла,

что что-то не так, уже по пропущенным вызовам. После переезда Петр Аристархович ей не звонил, иногда что-то бурчал в трубку, пока Кира разговаривала с мамой. «Когда ты научишься быть ответственной». Он сказал это так, будто из-за Кириной безответственности «газель» влетела в маршрутный автобус, на котором мама ездила на рынок каждую неделю. Сигарета уже догорала, пришли постоянники и попытались узнать, есть ли столики, Киру кто-то окликнул.

– Кир, давай в зал.

Но Кира продолжала стоять и дышать в трубку, хотя Петр Аристархович уже несколько минут как отключился. Она вдруг пожалела. Пожалела, что не подала документы в Скрябина, что все-таки съехала, что в последние годы слишком часто сбегала на зеленые колеса, что не доедала ужин, ненавидела Петра Аристарховича, хотя мама так просила, и выбросила из жизни букву, которая столько мучила ее.

Петр Аристархович после маминой смерти превратился в экспонат в уже мертвой квартире, и до определенного момента Кире не было до него дела. Она не приходила, хотя думала о нем очень часто – постоянно. Петр Аристархович был маминым. Он не собирался исчезать, уходить, хотел продолжать жить, окруженный мамиными вещами, и от этого становился все больше ее.

– Ты поел? – Не дожидаясь ответа, Кира собрала со стола контейнеры, выдрала вилку, воткнутую в пачку таблеток.

Ей казалось, чем старательней Елена все подготавливала для Петра Аристарховича, с тем большим удовольствием он все это ворошил. Кира не знала, как у Елены хватало терпения, учитывая, что и платили они ей совсем немного. На кухне было очень чисто, Петр Аристархович сюда уже не ходил. Возможно, ему было тяжело, все-таки это мамина территория. Кира помыла контейнеры, разложила их на полотенце сушиться, проверила шкафчики и холодильники. Продуктов по минимуму, и никаких коробок с кексами. На столе лежали салфетки, губки, все, что нужно для гигиены. Киру передернуло.

– Я в ванной моюсь! – взревел Петр Аристархович, как только увидел, что Кира приволокла подготовленный Еленой набор для пыток. И его, и Киры.

– Со мной не получится, – парировала Кира.

– Срать хожу, помыться тоже схожу.

– Нет. – Голос у Киры почти не дрожал, но от одного его присутствия у Киры кружилась голова. – Это не так... не так действует. В ванной вам нужно больше помощи. А Елена... большая женщина. От

меня толку ноль. Так что один день – вот. – Кира потрясла пачкой влажных салфеток, Петр Аристархович прищурился. – Я даже не понимаю, как вы до туалета доходите.

– С этим. – Петр Аристархович тыкнул глазами куда-то в сторону. Кира обернулась и увидела длинную чертежную линейку, которая переехала в их квартиру вместе с чемоданом Петра Аристарховича.

Линейка обычно стояла в углу, и Петр Аристархович редко ее оттуда доставал. Линейка казалась обычной деревяшкой, хламом, которые многие пожилые люди – и совсем не пожилые тоже – таскают за собой. Как Кирины старые книги, например. Петр Аристархович обещал взяться за Киру, и взаправду взялся – за Киру и за линейку.

Окна в квартире плотно закрыты, потому что Петр Аристархович не переносил звуков улицы. Из лишнего – только мамин нож на кухне, она резала морковь для подливы или что-то вроде того. Нож стучал равномерно, иногда замолкал, потом стучал снова, шкворчала сковорода, мамы глухие шажки в тапках – туда-сюда. Кира стояла посередине зала на табуретке. Пол вращался, Кира смотрела на свои голые ступни, и пол то отдалялся, то пытался допрыгнуть до нее. Она осторожно обнимала себя руками, пыталась удержаться и не свалиться, пока Петр Аристархович обводил вокруг Киры неровный круг, постукивая по ладоням линейкой.

– Тебе нужно приподнять кончик языка к верхним зубам, давай. Не напрягай. – Когда Кира стояла на табуретке, они были практически одного роста, и Петр Аристархович подходил ближе, брал своей ручищей Киру за лицо и заглядывал ей в рот. – Расслабь его, не сворачивай. Во! – Сковорода на кухне начинала шипеть громче, когда Петр Аристархович говорил. – И выдыхай сильно, мощно! Чтобы язык вибрировал.

– Л-л-л-р-р-л-р-л-л-л, – пыхтела Кира, пока Петр Аристархович всматривался ей в зубы.

Звук пробивался, но быстро терялся, и Кира бесполезно мычала. Петр Аристархович выпустил ее и вернулся на свой нестройный круг. Кира пыталась отдышаться. В комнату потихоньку пробирався запах жарки, и Петр Аристархович на него отвлекался – останавливался, раздувал ноздри, причмокивал и бубнил.

– Мм. Так, да, так, – причмокивал он смачно, почти облизывался, – теперь повторяй. Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.

Слова вбивались Кире в мозги, но не отзывались.

– Свинья... – Кира сама переступала на безопасную территорию, всего одно маленькое слово, которое не раскачивало ее на табуретке.

– Не так!

ХЛОП. Линейка обожгла икры, и Кира схватилась руками за ногу. Зажарка уже ползла по стенам, сковорода шумела-шипела, мама тихонечко – топ-топ, туда-сюда.

– Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.

– В-р-л-лыла свинья.

ХЛОП.

Кира попыталась присесть, обхватить себя надежней, но Петр Аристархович сунул линейку ей под ляжки.

– Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.

– Не буду!

ХЛОП. ХЛОП. ХЛОП. Сковорода на кухне сходила с ума, мама передвигалась маленькими перебежками, нож то стучал, то замолкал снова. Петр Аристархович повторял раз за разом, и Кира изворачивалась, выдыхала, дергала языком, но звук набухал, а затем резко сдувался. Ничего не получалось.

– Рыла свинья белорыла, тупорыла. Полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.

– Свинья... бело-в-р-л-ыла.

ХЛОП. ХЛОП.

Кира возненавидела запах подливы и букву «р». Она научилась обходиться без нее. Иногда Киру не понимали, думали, что она слегка не в себе.

– Я не могу быть на день позже сегодня. Я официант и занимаюсь делами на Китае, да, у нас там как кафе, но лучше.

Кира без конца пыталась отскрести от себя все рычащее, даже собиралась сменить имя, но мама не дала, а после ее смерти это стало совсем невозможно. Мама очень любила Киру, Кирочку, Кир-р-роньку. Если бы Кира могла, она бы взяла свое имя и положила в мамину коробку.

– Не поддавалась ты обучению.

Кира вздрогнула, будто линейка хлопнула снова. Петр Аристархович слабо постучал пальцами по Соловьеву:

– Как я ни бился, ты – вон – все равно разговариваешь, как недоразвитая. Не трожь, дай сюда, я сам. – Петр Аристархович шарахнулся от Киры, когда она попыталась коснуться его плеча влажной салфеткой. Кира тоже отодвинулась.

– Елена толковая женщина. Все у нее по уму, хоть и характер – ух, как у волчицы. Альбинка не такая была, нет. Настоящий ангел.

– Да, мама была очень милой.

– Милой, а? Ляпнешь же. – Петр Аристархович причмокнул, но так слабо, что Кира почти не услышала. – Доброй она была. Добрячка. Давай, скажи-ка: мама была доб-рой.

Петр Аристархович потер мохнатую подмышку, поднес салфетку к лицу, сморщился и бросил ее на пол. Кира не собиралась отвечать.

– Из-за этой своей тугости ты и не поступила никуда. А могла бы на историческом... – Петр Аристархович нежно погладил Соловьева и, засунув руку с салфеткой под одеяло, закричал. Кира отвернулась.

Мама постепенно начала забывать. На праздники приносила какие-то исторические справочники вместо энциклопедий про животных, хотя Кира очень долго выпрашивала одну, дорожную, с крупным шрифтом и экстерьерными схемами. Потом и сама Кира стерлась, никуда не подалась, потому что хотела одного – быстрее найти работу и переехать. Она пыталась обижаться на маму, но не смогла, слишком по-дурацки они с Петром Аристарховичем срослись, а вот Кира, наоборот, отвалилась. У амурского тигра детеныши остаются с матерью два-три года. У медведей – три – три с половиной. У сов – от трех до семи недель. Если верить пересчетам звериных лет, Кирина мама дотянула максимум до тигров, но и этого оказалось достаточно – по меркам кошачьим и человеческим.

Петр Аристархович ворочался, причмокивал, от него воняло затхлостью, но теперь с нотками концентрированной лаванды. Кира только успевала подбирать с пола салфетки, которые Петр Аристархович не передавал Кире, а просто швырял ей под ноги. Он заметно раздался, обвис, и Кира видела, что он собирался умереть.

– Так и Елена-то подойдет? Или ты тут торчать весь день будешь?

– У Елены выходной.

Кира разбирает лекарства на столе и понимает, что жизнь ушла из этой квартиры совсем. Ее не было, даже если выйти в коридор, больше там не будет пахнуть шиповником. Мамы не стало внезапно, поэтому она продолжала следовать за Кирой по пятам, как привидение, застрявшее в «двушке» на втором этаже. Петр Аристархович разлагался медленно, слишком медленно, и успевал прованивать пространство. Кира боялась, что он будет умирать долго, и когда после его смерти Кира вернется, мамы здесь совсем не останется.

– Ты это... прости...

– В смысле? За что? – удивилась Кира.

Петр Аристархович в секунду расстроился, еще больше утонул в подушках. Кире показалось, что ему действительно жаль. Совсем ненадолго.

– Что толкового из тебя ничего не вышло.

Петр Аристархович отодвинул от себя пачку салфеток с лавандой. Салфеточный душ не помог, Петр Аристархович все еще был грязным, но от этого он уже вряд ли отмоеся. Кира вдруг отчетливо разглядела, как из Петра Аристарховича прет дерьмо – из носа, из ушей, особенно изо рта.

Кире захотелось сказать: «Прости, сами жрите», но она могла только: «Извините, кушайте».

Кира ушла, когда уже стемнело. Дверь подъезда с пиканьем закрылась, и впервые за много лет – за большую часть Кириной жизни – это произошло так легко. От ее рук и куртки пахло стариком. Она села на желтые колеса и устала в темноту. Никто не прошел мимо с буханкой из «Пятерки» по акции, никто не вывел на пробежку свою брехучую псину. Кира слушала деревья, а еще – запах кексов, но его не было, и Кира понимала, что все – точно не будет.

Она открывала смену в восемь утра. Миша должен был приехать к обеду, но Кира практически не спала, и пришлось вызвать такси. Когда она приехала домой, Миша ничего не спросил. Он злился, что Кира его не послушала, а еще – потому что он всегда молчал после этих визитов, чтобы Кира могла отдышаться. Обычно она ненавидела открываться, но сегодня – вытерла столы, разложила салфетки, приборы, обновила стейшен, вытерла кипер и все мониторы. Немного отпустило. К тому же по субботам ровно в девять приходил ее постоянник Паша, один из тех – Кириных любимчиков, потому что он всегда заказывал яйца бенедикт и капучино.

– Что желаете сегодня?

Паша, лохматый, рыжий, по-субботному нарядный, сделал вид, что всерьез раздумывает над ответом – он задрал нос, сильно-сильно нахмурился, и Кира рассмеялась.

– Шучу, Кир. Мне все как обычно.

– Яйца бенедикт и капучино?

– Все так.

Кира как раз пробила заказ, когда почувствовала, что в кармане ожил телефон. Она посмотрела на часы – девять ноль семь. Елена никогда не опаздывала.

– Я дымить, – бросила она барикам и вышла во двор. Телефон отчаянно вибрировал, но Кира не торопилась брать трубку. Она достала сигареты, затем зажигалку, прикурила. – Алло?

– Кира, это вы! Кошмар какой. Не представляете, я захожу, а он... Совсем... Нет, вы не понимаете!

Удар, кажется, удар!

– Елен, успокойтесь. Ужас, да-да, и я не ожидала. Тише, Елен. Звоните куда надо, я подъеду.

Кира отключилась. На улицу высунулся один из бариков.

– Кир, че за фигня? Я сам Паше кофе вынес. Иди уже.

Все шло как обычно. Ресторану не было дела до звонка Елены. Сигарета выпала из пальцев, хотя обычно Кира не мусорила.

– Лыла свинья белолыла, туполыла. Подвола лылом излыла, вылыла, подлыла.

Кира наступила на дымящийся окурок и расплакалась от облегчения.

